

Арбузова Ирина

Сборник мистических рассказов
«Страшуть рассказы Лунного
кота»

Сборник мистических рассказов, написан в лучших традициях русских народных сказок, легенд и преданий в современной интерпретации. Выдержан в духе детективно-приключенческого и юмористического жанра с увлекательными необычными поворотами повествования, удерживающими в напряженном состоянии до самого конца.

Для читателей, издательств и спонсоров:

с другими книгами автора вы можете ознакомиться на сайте писателя <http://arbuzova-irina.ru/>

Уважаемые издатели и спонсоры! Ждем ваших предложений на сайте писателя в разделе контакты.

Содержание.

Игнатьев двор.....	стр.5
Дом у болота.....	стр.22
Пустой стакан.....	стр.45
Работа в зоне риска.....	стр.61
Убийство в N-й степени.....	стр.69
Смерть под аркой ангела.....	стр.112
Теленочек.....	стр.130
Месяе Манекен де Тейллер.....	стр.142
Глыбино, его обитатели и проклятие голубой крови.....	стр.155
Призрачная жизнь Тупиковой улицы, дома 13.....	стр.251
Код двойной спирали.....	стр.300

«В ночной час, когда, выворачивая углы, нависают стены. Пространство между мебелью становится черной бездной. Включите же, наконец, лампу и посмотрите в лицо своим страхам!

Но если станет скучно, бессонницу развлечь решите, то позовите Лунного кота. Он намурлыкает такое, что до утра вам больше не уснуть!!!»

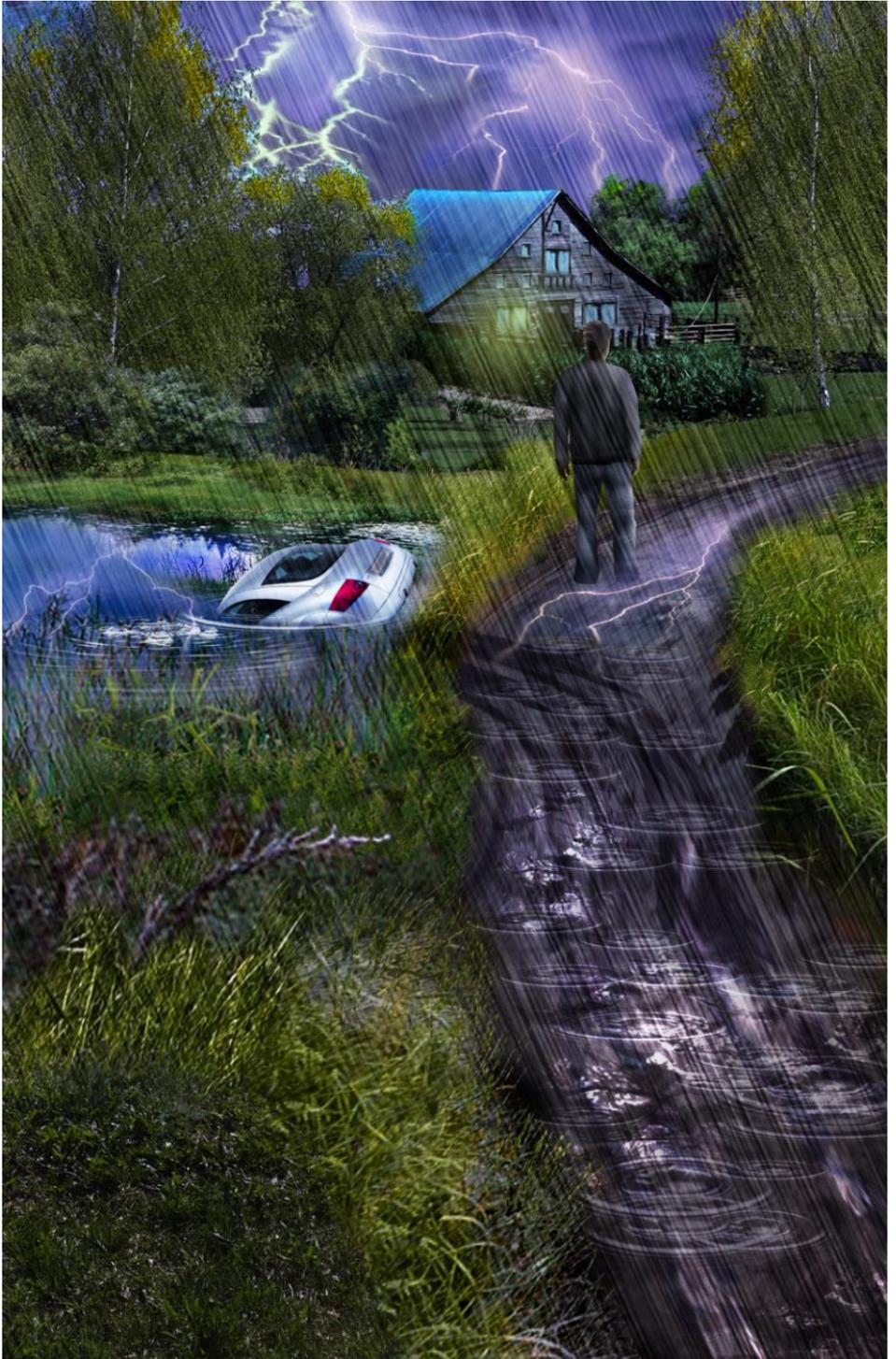
Игнатъев двор.

Ох, и угораздило так заплутать! После поворота уже должен быть указатель. Неужели пропустил?! А все Андреич: «Вот сдашь статью и тогда на все четыре стороны».

Пару раз машина ударилась днищем, залетев в колдобины. Пришлось сбавить скорость. Дорога сужалась. Лес теснее наступал к обочинам. Когда ехал днем, он приветственно зеленел, радуя чистым воздухом и птичьим пеньем. А сейчас стал сумрачным, тревожным. Солнце садилось за горизонт, цепляясь лучами за ветви деревьев. Их косматые кроны выросли с наступлением темноты. Поднявшийся ветер катался по еловым лапам, шелестел листьями, пригибал высокую траву к земле. В открытое окно машины ворвался влажный воздух. Отдаленные всполохи в бездонной темнеющей выси и сердитое ворчание говорили о том, что приближается нешуточная гроза! Вечернее небо хмурилось и вскипало от быстро наплывающих облаков. Разудало засвистел ветер, раскачивая стонущий и скрипящий лес. Ураганные порывы заламывали и рвали ветви деревьев. Они вскидывались, тревожно шурша, предупреждали о ненастье и беде. И вот небо, ставшее черной, прогнувшейся под тяжестью туч пленкой, треснуло. Его ярко расчертили на части ослепительные нити молний. Они наступали, освещая облака изнутри. Все ближе рокотал гром. Тяжелые капли забарабанили по металлу. Усердно заскрябали дворники. И тут начался настоящий потоп! Косые рукава дождя хлестали по стеклу, сбивая с пути. Свет от фар шарахался и метался, пытаясь пробить бурлящую водяную стихию. Машина уже плыла

между взявшими в тиски черными ожившими деревьями. Они склонялись, цепляя, ловили в свои корявые сети. Удар о лобовое. Хруст. Обзор закрыт! Что-то большое, скрипя, как когтями, съехало по стеклу. Огромная ветка! Попав под колесо, она задела бампер. Треск. Машина пошла юзом. А впереди, над дорогой, с неба в ослепительно-смертельной красе стекла серебряная река. Брызнув фиолетовыми и малиновыми всполохами, она вонзилась в землю. Сразу же динамитно рвущийся гром ударил, сотрясая воздух.

Сердце сжалось, наполняя душу испугом. Я затормозил и срулил к обочине. Колеса проскользнули. Машину занесло.словно по ледяной горке, спихнуло в канаву. Медленно приходя в себя, почувствовал, как онемели руки, стиснувшие руль. Под дверцу начала затекать вода. Черт! Я что, в речку врюхался?! Ну и что теперь? Осторожно передвинулся на пассажирское сиденье. Этот бок был поднят выше. Открыл дверь. Свесил ногу. Она уперлась в скользкую, но твердь. Попытался выйти, держась за машину. Упал в грязь. Противно и хо-холодно! С трудом поднялся, цепляясь за траву. Темно и ливень стеной. Ох, ладно, считай душ и стирка в небесной бане! А сбоку замаячили огоньки. Показалось? Вспышка молнии осветила узкую проредь между деревьями и там освещенные окна. Дом в лесу?! Низко шарашившие молнии и оглушающие громовые раскаты подгоняли к маячащей цели. Сбитая коленка, несколько шишек, но мне удалось осилить коряжисто - стволистую и хлещущую ветками полосу препятствий. У дороги, прямо у шоссе, по которому я должен был ехать (!!!), стоял большой приземистый дом с

хозяйственными постройками. Рядом вывеска: «Игнатьев двор». Реклама приглашала остановиться на обед и ночлег. Видимо, радушием постоянного двора этой ночью воспользовались шофера нескольких машин. Легковые и фуры были припаркованы на асфальтированной площадке у дома. Скользя по зыбучей глине, на ощупь, преодолевая сердитую непогодушку, добрался до двери. Мощный бревенчатый сруб ответил петушиным криком звонка. Семь потоков успело пролиться через одежду, пока хозяин с дрыном в руке отворил дверь. Ничего не спрашивая, только цепко взглянув на мой потрепанный вид, он сказал:

- Заходи.

Этот коротко стриженный, кубикообразный мужик, с торсом борца, толкнул внутреннюю дверь и гаркнул:

- Бабоньки, пострадалец прибыл. Что-нибудь от Дольче и Габано, в душ и накормить.

Сонный дом ожил, слышались голоса. В дверном проеме появилась эффектная статная женщина. Раскрасневшаяся, она томно смотрела на хозяина, застегивая пуговицы на кофте.

- Юрия Антоновича будить? – напевно прозвучал ее голос.

- Как сам, цел? А то у нас и врач имеется.

- Да, ничего. Пара синяков, наверное, замерз только.

Меня взяли в оборот. И вот, в спортивном костюме времен Олимпиады – 80 я сижу в большой полутемной комнате, заставленной столами с лавками. Подошла молодая женщина. Красивая, даже очень для такой дыры. Лицо – я не мог оторвать от него

взгляд, особенно от глаз. Большие, как два чистых синих озера, печальные и туманные. А когда она заговорила, у меня все сжалось внутри. Голос тихий, но сердцем слышный, прекрасный и глубокий. Хотя мерз до этого, в жар бросило!

- Как Вас зовут? – спросил придорожный ангел.

- Ва-василий. А Вас?!

- Марина. Что кушать будете?

Что за черт! Ответить не могу! Слова в горле застряли.

- Ладно, я сейчас ужин принесу, а Вы потом в книге распишитесь. – сказала она, зажигая свечу у меня на столе.

Ушла, прихватив единственную горящую керосиновую лампу. Внезапно, из темноты, бесшумно выдвинулся тяжелый силуэт. Его тень подпрыгнула до потолка и свалилась под стол, когда он подсел ко мне.

- Я хозяин, Игнатий Афанасьевич. Вы, кто будете?

- Василий Михайлович.

- Проездом?

- Да, из Москвы. Друзья уговорили порыбачить в Агафьевке. Только я до нее не добрался!

- Что ж так поздно поехали, русалок на закате хотели застать?

- Заплутал!

- С машиной что?

Я рассказал про свою беду. Суровый хозяин постоялого двора слушал очень внимательно и с пониманием. Он хмурил широкие брови, смотря на пламя свечи, отчего шрам над левым глазом становился похожим на глубокий зигзаг.

- Насчет машины не беспокойтесь. Поутру тягачом вытащим. Если не хлам, отремонтируем. Позвонить кому надо?

Я хлопнул себя по карману. Ох! В костюме все осталось, а его стирать понесли. Он заметил мой озабоченный вид, словно мысли прочитал и холодно бросил:

- Не бери в голову, здесь кроме гостей, жуликов нет. Все в сохранности будет.

Стало неловко.

- А что, постояльцев много?

- Хватает. Умные – шоферня если не успели перед закатом солнца нашу местность проехать, сразу ко мне жалуют. А тех, что вроде тебя, порой и вызволять приходится. Как замаячат бабы лоскуты – знак беды, иди, выручай!

Мой журналистский нос почуял тему. Кажется, Игнатий Афанасьевич тоже был не против поговорить.

- Место здесь гиблое, колдовское! Один спец с приборами, ученый из Московского Геодезического назвал нашу аномалию геомагнитным разломом. Расчертил на карте кольцо радиусом три километра. Ха! Только надо было еще одно нарисовать, рядышком. Ох, спец! Эту цаплю «я осторожно по кочечкам» нам раз пять пришлось из болота выуживать. Ты, видно, там же у Вдовьего омута застрял. Раньше, конечно, то – озеро было, очень глубокое. Валун из него, как язык, выходил. Каменный мосток такой. По нему пройти можно было. В лихие времена бабы там гадали – вернется ли муж или любимый. Колечко в озеро бросали и руку резали, чтоб кровь туда попала. Если умер, его лицо в воде видели. Нет, живой значит.

- Игнатий, да не пугай ты гостя. Поесть ему надо.

Марина принесла ужин. Я любовался, как хозяйшка быстро и ловко со всем справляется. Интересно, она готовила его сама? Все отменно! Дымящаяся картошечка с жареной курицей, два салата, чай ароматный на травах, пироги и стакан своего, ух-х-х, крепкого. Я так устал! Но еда сама лезла в рот! И этот дом показался уютным и домашним. А за окном непрерывные потоки дождя, как живые жалюзи, запечатали нас от внешнего мира. Сон отступил. Потрескивая, танцевало пламя свечи. В призрачном хороводе света и тьмы я с большим интересом слушал рассказ Игнатия, подбадривая его вопросами.

Родом он был из местных. «Люди здесь издревна селились. Земля плодородная! Несколько речек. Одна из них, с быстрым течением по огромным валунам из холмов течет. Вот она-то во Вдовый омут и впадает. Чистая прозрачная вода темной в нем становится. Даже, когда озеро еще не заболотилось – прямо черная гладь в нем была. А на закате еще и мерцать начинала, словно рыба в ней плещется». – поведал мне Игнатий Афанасьевич. В детстве его всякими страшилками пугали, чтобы в лес туда не ходил. Гиблая, проклятая земля начиналась от Вдовьего омута до мельницы. «Была такая на речке построена. Только в основном туда не молоть возили. Хозяина – мельника колдуном считали, за знахарством и ведомством к нему приходили. Когда колхоз при мне еще был, на том месте мельницы уже в помине не было. Речка обмелела. Осушили ее. Дома стали строить. Только не прижились – пожары, скотина дохла,

много необъяснимых несчастий случилось. Председатель с радостью за пару тракторов разрешил там дорогу построить. Вот на ней беды и продолжились. Люди гибнуть стали. Если на карту посмотреть, шоссе две перекрученные петли делает. Побольше – Вдовый омут, поменьше – до бывшей колдовской мельницы, словно два кольца обручальных рядом легли. В перекрестье, спокойная зона, здесь наш двор стоит. Ты спрашивал, много ли постояльцев, всегда хватает! Те, кто про наши места слышали, заранее у меня на ночь остаются. После заката боятся выезжать. И правильно делают! Ну, тебе отдыхать пора. Галина Ивановна покажет комнату». – сказал он и встал.

К Марине, которая хлопотала за буфетной стойкой, подошла пожилая женщина и девочка подросток. Увлечшись беседой, я не заметил, откуда они появились.

- Родненькая, ну как же это?! Может еще, что сделать можно?! К знахаркам, бабкам давай обратимся! – женщина разрыдалась и схватила Марину за руки.

- Господи, какие холодные! Дай, я хоть их отогрею.

- Не надо, мама, не плачь. Мне уже не помочь. Верочку береги, мне больше никому ее доверить.

А сама затряслась, видно было, что ее сильно знобит.

- Не беспокойте ее, Зоя Сергеевна. Ей ведь хуже от этого становится. Юрий уже сейчас должен подъехать. Эдуард Аронович все бумаги подготовил. Он опытный нотариус, дело свое знает. А ты, Марина, держись!

Девочка, до этого молчаливо жавшаяся к обоим женщинам, закрыла лицо руками.

- Я не плачу, не плачу! Мамочка, ты только не уходи, не оставляй меня!! У папы жена злая. Я у них в гостях была, чашку случайно разбила, она мне так за это руку выкрутила! – и обняла Марину, жалобно всхлипывая.

В комнату вошли двое мужчин, промокших до нитки. Тот, что помоложе, задорно, по-военному отчеканил:

- Командир, прибыли. Из машины, как бабьи лоскуты замелькали, пришлось десантироваться. Можешь вычеркнуть ее из хозяйства. В хлам! На нее дерево – дубище упал. Что-то сегодня кикиморы разгулялись! Даже меня не признали! – со смешком добавил он.

- Эдуард Аронович, спасибо, что решились приехать в такой час. Вот, пожалуйста, познакомьтесь – Марина Николаевна. – Игнатий, представляя их, обратил внимание на ребенка.

- Пойди сейчас с тетей Галей, у нас дела важные, ладно? Галчонок!!!

На зов, вытирая руки полотенцем, вошла та дородная женщина.

- Чо, Игнатий Афанасьевич? Вещи Москвича выстираны, у печки сушатся. А это из карман.

Мне торжественно вернули сотовый, кошелек и документы в полиэтиленовом пакете с надписью: «Рассада ранняя – томаты «Богатырь»». Девочка ушла с Галиной Ивановной, та причитала на ходу:

- Веруша, у нас тур-потатур есть. Ты ж нашего Злодея еще не видела. Котище огром-ный, пуши-и-истый.

Мне же пришлось стать свидетелем оформления опекуна и дарения имущества. Марина еле сидела за столом, когда подписывала бумаги. Видимо, у нее был приступ.

- Эдуард Аронович, Вы уверены, что не будет осложнений, если Марина не сможет явиться на суд? – спросил Игнатий.

Нотариус расправил мокрые лацканы пиджака.

- Молодой человек, я всегда тщательно прорабатываю дело. Друг мой Борис – лучший в адвокатуре. Его фирма провела консультации – судейские, прокуратура. Страшно сказать, сколько людей уже болеют за Марину Николаевну!

- Может, нужны деньги на расходы?

Эдуард Аронович снял очки и, потрясая ими в воздухе, возмущенно выдохнул:

- Игнатий Афанасьевич, скажите-ка мне, а Вы моего Левушку за вознаграждение из огня вытащили? А под пулями, когда его двое суток несли, о деньгах думали?! Так дайте отцу, хоть как-то Вас отблагодарить, что сына спасли!!

Вот так сидишь, порой, целые дни, ни строчки из себя не выдавишь, писать не о чем. А эта мокрая ночь, как хороший журналистский блокнот, расплылась от набросков будущих статей.

Где-то в коридоре я услышал голос Галины и решил тихо уйти, чтобы не мешаться. Она привела меня на ночлег, в маленькую чистую комнатку с занавеской вместо двери.

- Галина Ивановна, а что с Мариной Николаевной?

Она поджала губы.

- Я не сплетница!

- Здесь, наверное, нелегко приходится? Ваш хозяин не боится в таком месте бизнес держать?

- Не из пугливых он, и трудностям его не сломать. Раньше в спецвойсках служил, контрактником. Как брата его Вдовий омут сгубил, обратно сюда вернулся. Умиравшего в больнице застал. А ведь тот спастись мог, когда разбился на машине. Бабы платки его вывели. Ах, если б не мороз! Ну, да ладно. – горестно вздохнула Галина. Обстановка у нас не барская, не московская, но перина и подушки мягкие. Ночи Вам спокойной.

Она уже собиралась уходить.

- Простите, а что за бабы платки? Я уже не раз о них слышал.

Галина удивленно посмотрела на меня.

- Так ты ж к нам по ним вышел?!

- Нет. На свет в окнах пошел.

- Охоньки! Электричество у нас свое, от ветряков. Ночью экономим – свечи да керосин жжем. Не мог ты слабые огоньки из-за чащобы увидеть! Если только Агафья вывела...

- А платки?

Она пожала плечами.

- Ну, хошь верь, хошь нет. Знак такой – зовущий или упреждающий. Кто лиха здесь хлебнул – знает. В ночи, когда просыпается колдовская душа Вдовьего омота и особенно в Агафьев день, несчастья здесь случаются. Черные силы не успокоятся, пока не погубят кого. Бедовые обычно видят, как на шестах платки яркие и шали развеваются. Приближаются к ним, а они, призрачные, вдаль бегут, пока не выведут к помощи. Бабки наши сказывали, то вдовушки – утопленницы

вспомогают. Те, что в воде своих любимых увидели, и от горя руки на себя наложили. Брат Игнатия видел их. Почти спасся. А уж как Афанасьич мой по нему горевал! Корил себя, что рядом его не было! Как похоронил, на все деньги, что скопил, посереде проклятого места подворье выстроил. По совести, по душе ему так нужно, чтоб бедовых помощь вовремя нашла.

- Галина, а Вы не боитесь здесь жить?

- Отбоялась уже, да за Игнатием моим, как за каменной стеной.

Засыпая, я было начал придумывать статью о Вдовьем омуте. Но вместо него на меня смотрели большие туманные горестные глаза Марины. Что с ней? Узнать бы! Может смогу помочь чем!

Утро выдернуло меня из свеженького тягучего кошмара горласто-авторитетными криками петухов. Я выглянул в окно. Ночь вчерашней газетой свернулась за горизонт. Солнце восходило на свой небесный трон. Его лучи обласкивали просыпающийся мир. Галина Ивановна выгоняла скотину за ограду подворья. Две коровы, шесть коз и стадо гусей остались под присмотром парнишки. Дом наполнялся шарканьем шагов, стуками, отдельными словами, вырванными из общего суетливого шума. Оделся. Спустился в ту комнату, где вчера Марина подавала мне ужин. Я думал о ней. Она занимала все мои мысли. Ее печальные туманные глаза стояли передо мной. Надо предложить, у меня есть хорошие знакомые в клинике. Я искал, но ее нигде не было.

- Ушла. Она только в ночную у нас. А тебе, зачем? – спросила Галина, когда я поинтересовался о моей вчерашней хозяйшке.

- Прометил! Глаз на нее положил, так?! Выбрось эти мысли из головы! Не беспокой. У нее и без тебя проблем хватает! У Игнатия Афанасьевича не выспрашивай!

Интересно, почему о хозяине Гаина обмолвилась? О чем нельзя выспрашивать?

- А сам где?

- По делам уехал, в город кое-кого отвести. Потом твою машину из болота тянуть будут.

Но мне нужно было увидеть Марину! Никогда бы не подумал, что такое возможно – с первого взгляда, будто душа с ней сроднилась. Будто были мы уже вместе, может быть в другой жизни! Решил прогуляться. У моей железной полутопленницы подождать и поговорить о Марине с Игнатиём.

Я шел по обочине дороги. Лес приветственно шелестел листьями под легким прохладным ветерком. Странно, почему вчера ночью он показался мне таким угрюмым и угрожающим. Капли росы жемчужными бусами повисли на травинках. Блистали лужи, собирая в себя солнышко. Перекрывая гул вечности, птицы наперебой звонко пели о своих заботах. Они радовались жизни, даже не задумываясь о том, как недолог их срок.

Вдруг, впереди показалась Марина, пошатываясь, медленно брела, не обходя грязь. Я почти побежал. Сердце стучало все сильнее. По коже мурашки. Она оглянулась на мой неуклюжий топот. Удивление и беспокойство отразились на ее лице. Ускорила шаг. Скрылась за поворотом.

- Марина Николаевна, простите! Я хочу помочь Вам и вашей дочке. Пожалуйста! У меня есть сбережения...

Договорить я не успел. Что-то яркое вспыхнуло перед глазами. Шелковый алый платок метнулся, коснувшись моей шеи. Им размахивал придорожный ангел, женщина, в которую влюбился с первого взгляда. Как она оказалась здесь?! Это невозможно!! Мысли скомкала темная, летящая в лоб громада. Не вписавшись в поворот, что-то мощное и большое, обдав жаром и запахом бензина, чуть не сбив, пронеслось мимо. Вой и скрежет. Обдирая покрышки, грузовик, вильнув, затормозил на шоссе.

- Пать - на - пать, му-мужик ты жи-живой?!! – огромный шоферюга сгреб меня и тряс в своих потных объятиях.

А Марина, только что спасшая мне жизнь, побежала к болоту! Зачем?!

- Марина Николаевна!! Мариша!!!

Вырвался и за ней. Вот уже почти, почти догнал. Жесткая, очень высокая осока и колючки резали, вцеплялись, не пускали к ней. Что??? С разбегу прыгнула в воду!!! Как же так?! Почему?! Не захотела больше мучиться?!

Болотная вода уже успела скрыть ее с головой. Только ряска и желтые кувшинки потревожено раскачивались на угольно-черной поверхности. Нырнул, не раздумывая! Какая темень! Даже солнечный свет не проникает в зыбучую глубину. Начал искать на ощупь. Только бы успеть! Что-то захороводило, зашевелилось рядом. Хватаю. Но только ил утекает между пальцами. Тону. Сам тону! Тяжелая коряга вцепилась и тянет на дно. К губам что-то приклеилось. Какая горечь! Ухватили пальцы. Когти?! Бред!! Не паниковать!! Почувствовал опору под ногами. Ил и грязь покрывалом сползли с нее. Лобовое

стекло машины! Там тусклый свет и Марина!! Как так?! Дверца полуоткрыта. Хватаю – нога! Извернулся. Нашел талию. Задыхаясь, рванул наверх что было сил.

- Господи, помоги!

Всплыл. У воды надрывно закричала птица. Инстинктивно погреб на ее крик. Ил забил глаза. Они горели, я ослеп. Ноги стали вязнуть в вонючей жиже. Берег?! Без сил упал на мокрую траву вместе со своей драгоценной ношей. Зачерпнул воды. Спешно протер глаза, на ходу вспоминая приемы искусственного дыхания. Но так и не смог даже прикоснуться к своей любимой. Бездыханное распухшее тело. Сине-белая кожа. Распахнутые водянистые глаза.

- Пать-на-пять! У-у-у-утопленница! Во-во дела! А я думал, ты псих. Сам с собой перекрикиваешь и буль в болото! Пать-на-пять – это ж девка, что недавно Игнатий на работу взял. Она ж только вчера мне стопырь наливала, а по виду, как неделю утопла! Пать-на-пять в поли..., Игнатию звонить надо!! – и сотовый достал.

Вдруг, неожиданно, он на меня, как на черта посмотрел. Затрясся весь. Рожа из красной, зеленой сделалась.

- Ага-гафьино!! Как в сказках бабкиных! Венчалное!! – и показал на руку Марины, клацая зубами от испуга.

Прозрачный, как слеза камень сверкал в обручальном кольце на ее пальце. А в полуоткрытой ладони покоилось другое, мужское кольцо. Я взял его.

- Му-мужик, ты-ты что, брось! – заблеял шоферюга.

Но я почему-то знал, что должен его одеть! Перстень пришелся удивительно впору, и в тот момент мне показалось, как вздохнула ее мертвая грудь. Из кожи полилась вода и она начала розоветь. На меня смотрели большие туманные глаза моего придорожного ангела. Солнце улыбалось в них. Я с нежностью взял ее теплеющую руку.